

УДК 39

БЫТОВАЯ КУЛЬТУРА НОГАЙЦЕВ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX–НАЧАЛА XX вв.: КОМПАРАТИВНЫЙ АНАЛИЗ

Даниял Сайдахмедович Кидирниязов

доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник

Институт истории, археологии и этнографии

Дагестанского федерального исследовательского центра РАН,

Махачкала, Российская Федерация

E-mail: daniyal2006@rambler.ru

Бирлант Борз-Алиевна Абдулвахабова

кандидат исторических наук, доцент

Чеченского государственного университета

Грозный, Российская Федерация

E-mail: birlant@list.ru

А н н о т а ц и я

После распада Золотой орды возникла Ногайская орда — новое ногайское государственное образование на территории юга России. Часть ногайцев малочисленной группой обосновалась на территории современной Чечни, создав национальное меньшинство, но на сегодняшний день занимающее достойное место в этнокультурной среде края. Изучение культурно-бытовых процессов народов, проживающих в Чеченской республике, в том числе и ногайцев, является актуальным. Одновременно проживая на указанной территории, все национальные группы контактируют между собой, что приводит к динамичному развитию этнических процессов, взаимодействию культурно-хозяйственных занятий, материальной культуры, этнокультурным взаимоотношениям в таком густозаселенном, как Северный Кавказ. Актуальность изучения заключается не только в научно-познавательном аспекте, но и в описании межэтнических, этнокультурных взаимоотношений народов России как в прошлом, так и в настоящем, поскольку эти взаимоотношения не теряют своей значимости и в настоящее время. Для более контрастного освещения современного положения культурно-бытовых процессов ногайского народа в представленном исследовании, авторы попытаются представить исторический экскурс в прошлое этого кочевого народа, проживающего на территории Чеченской Республики (субъекта Российской Федерации).

К л ю ч е в ы е с л о в а

Россия, Северный Кавказ, ногайцы, бытовая культура, этнокультурные процессы.

UDC 39

EVERYDAY CULTURE OF THE NOGAIS IN THE SECOND HALF OF THE 19th–EARLY 20th CENTURIES: COMPARATIVE ANALYSIS

Daniyal S. Kidirniyazov

Dr. Sc. (History), Professor, Leading Researcher,
Institute of History, Archeology and Ethnography
of the Dagestan Federal Research Center
of the Russian Academy of Sciences,
Makhachkala, Russian Federation
E-mail: daniyal2006@rambler.ru

Birlant B. Abdulvakhabova

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor,
Chechen State University
Grozny, Russian Federation
E-mail: birlant@list.ru

Annotation

After the collapse of the Golden Horde, the Nogai Horde as a new Nogai state formation in the south of Russia arose. A small group of the Nogais, settled on the territory of modern Chechnya, created a national minority, but today they occupy a worthy place in the ethnocultural environment of the region. The study of cultural and everyday processes of the peoples living in the Chechen Republic, including the Nogais, is relevant. Simultaneously living in this territory, all national groups are in contact with each other, which leads to the dynamic development of ethnic processes, the interaction of cultural and economic activities, material culture, and ethnocultural relationships in such a densely populated area as the North Caucasus. The relevance of the study lies not only in the scientific and educational aspect, but also in the description of the interethnic, ethnocultural relationships of the peoples of Russia, both in the past and in the present, since these relationships do not lose their significance at the present time. For a more contrasting illumination of the current situation of cultural and everyday processes of the Nogai people in the presented study, the authors will try to provide a historical excursion into the past of this nomadic people living on the territory of the Chechen Republic (subject of the Russian Federation).

Key words

Russia, North Caucasus, Nogais, everyday culture, ethnocultural processes.

ВВЕДЕНИЕ

Северный Кавказ — один из полиэтнических, многонациональных и многоконфессиональных регионов страны. Здесь широко и пестро представлены как автохтонное население, так и пришлые кочевые и оседлые народы. Во многих республиках Северного Кавказа (начиная от Каспия до Карачаево-Черкесии) разрозненно проживают ногайцы, один из известных тюркских народов Северокавказского региона (Магомаев, 2017: 40).

Межэтнические контакты чеченского и ногайского народов уходят глубоко корнями в эпоху средневековья. В течение многих веков хозяйственно-культурные отношения тесно сближали эти разные по вероисповеданию и ментальности народы. Проживающие на территории Чечни традиционные ногайские кочевые племена вынужденно перешли на оседлый образ жизни. В современной Чечне среди многих народов, проживающих в Шелковском, Наурском и других районах республики, следует отметить ногайцев, поддерживающих многовековые дружественные, этнокультурные связи с соседними народами (Абдулвахабова, 2016: 19). Начиная с XIV в. ногайцы известны под чеченским этнонимом «ногIий», хотя юридически в состав Чечни они вошли лишь в советский период, в 1957 г. (Народы Дагестана, 2002: 495).

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

В настоящем исследовании проведен компаративный анализ с применением сравнительно-исторического метода, выявившего общее и особенное в происходивших исторических событиях. Кроме того, использовались все заявленные общеизвестные исторические методы — ретроспективный и метод исторического синтеза.

Источниковая база по истории ногайского народа достаточно широка и обширна, как в зарубежных западноевропейских, так и в мусульманских (тюркских, персидских и арабских) источниках. Указанные материалы широко привлечены и использованы в работах известных востоковедов В. В. Трепавлова, Б-А. Б. Кочекаева, Д. М. Шихмаурзаева, Ф. Капельгородского и др.

ОБСУЖДЕНИЕ

В исторической литературе имеется достаточно огромный пласт материала, неопенимый в плане насыщенности разнообразной информацией для изучения прошлого ногайцев Северного Кавказа.

Одна из малоразработанных и слабоизученных тем — изучение истории и повседневной бытовой культуры ногайцев Чечни в контексте природно-климатических факторов. Следует отметить, что важные для современного кочевниковедения вопросы, связанные с влиянием погоды и климата, природной среды в целом на формирование уникальной системы жизнеобеспечения и народных знаний номадов юга России, активно разрабатываются на примере калмыков, кочевников в недавнем прошлом (Омакаева, 2005, 2008; Омакаева, Вадамаева, 2024).

Ногайский народ, который сыграл яркую роль в истории Северного Кавказа и добивается до сих пор своей государственности, справедливо заслуживает более внимательного отношения со стороны российских историков.

В этой связи хочется отметить поддержанный Российским научным фондом научно-исследовательский проект «Трансформация кочевых обществ Юга России в контексте природно-климатических факторов (XIX — середина XX вв.)». Научный коллектив исследователей, в который входит и один из авторов настоящей статьи, давно разрабатывает актуальные проблемы хозяйственно-экономической и культурной деятельности кочевых народов, в том числе ногайского народа, в аридных зонах юга России. Об этом свидетельствуют публикации Е. Н. Бадмаевой (2024); Е. Н. Бадмаевой и Б.А. Эрднеевой (2022), Е. Н. Бадмаевой и В. В. Батырова (2023), И. В. Лиджиевой (2016, 2022, 2023); Д. С. Кидирниязова (2022, 2023а, 2023б); В. В. Батырова (2022; 2023а, 2023б); А.Т. Джумагуловой (2022, 2023а, 2023б).

РЕЗУЛЬТАТЫ

В указанный период ногайцы на территории Чечни постепенно стали переходить от кочевого образа жизни к оседлости. Амплитуда кочевых ногайских хозяйств на территории Чечни к середине XIX в. сократилась до минимума.

Особенности традиционных форм скотоводства (отгонного и кочевого) у ногайцев формировались под воздействием природно-климатических факторов исходя из конкретно сложившейся экологической обстановки.

Скотоводство ногайцев, как известно, имело древнейшие корни и было одним из ведущих направлений хозяйственной деятельности. Ногайцы активно разводили скот: лошадей, овец, коз, КРС, который в Чечне назывался «ногайским». Мясо «ногайского» скота, отличавшееся особенным, уникальным вкусом, как и калмыцкое мясо, было особо востребованным на торговых мясных рынках Северокавказского края. Мясо не только продавалось, но и удовлетворяло полностью внутренние потребности ногайского народа. Скотоводство, в особенности коневодство, было одним из важнейших отраслей ногайской экономики и играло большую роль в хозяйственной жизни ногайцев. Ногайская лошадь имела сухое, крепкое телосложение, крепкие сильные ноги, небольшую голову и рост. Ко всему прочему, ногайская лошадь отличалась особой выносливостью и неприхотливостью в уходе за ней. В последующем известная порода кабардинских лошадей была выведена путем скрещивания аборигенных горных пород и ногайских лошадей. Естественно, что специфику ногайского скотоводства составляло большое количество лошадей, в особенности породистых. Лошади являлись у ногайцев особым предметом гордости и активной торговли с горцами и казаками Северного Кавказа.

Ногайцы поддерживали очень тесные хозяйственно-бытовые связи с местными народами. Наиболее типичным для оседающих кочевников в это время был переход к земледелию, хотя скотоводство оставалось еще ведущим занятием населения. Необходимый инвентарь для обработки земли приобретали путем меновой торговли у русских, горцев, казаков и т.д. Переход к земледелию привел и к изменениям в составе стада: увеличилось количество крупного рогатого скота, неспособного к длительным кочевкам.

Хотя земледелие было развито еще слабо, но многие ногайские семьи постепенно переходили к хлебопашеству. Но даже в хозяйствах, практиковавших земледелие, оно не играло главной роли, посевы занимали небольшие участки земли. Сеяли различные зерновые культуры: овес, просо, пшеницу и, конечно, кукурузу, которая была самой доходной сельскохозяйственной культурой.

Первоначально посевы ногайцев проходили без применения каких-либо агрокультурных инструментов, которыми пользовалось местное население. При такой обработке земли хлебопашество в данный период являлось для ногайского населения не совсем выгодным. Население было скудно обеспечено сельскохозяйственным инвентарем: плугами, боронами, серпами и т.д. Это и другие обстоятельства подталкивали ногайское население перейти к промысловой деятельности, сочетавшейся со скотоводством и земледелием. Многие ногайцы стали заниматься бахчеводством (выращивали в основном арбузы, дыни и тыквы), садоводством, охотой и рыболовством. В целом сады, огороды и бахчевые участки тем не менее являлись редким явлением для ногайских семей в этот период. Надо отметить, что охота и рыболовство были для ногайцев традиционными и более древними занятиями, чем садоводство и огородничество. Для рыбной ловли применялись небольшие лодки («кьайыкь»). В охотничьем промысле ногайцы активно опирались на древние традиции кочевников: использовались гончие собаки, прирученные ястребы и соколы. Ногайцы чаще охотились в одиночку, но при групповой охоте они практиковали корзины-ловушки с огнестрельным оружием.

В ремесленном производстве наиболее широко было развито шерстяное производство. Как и чеченцы, которые были известными мастерами по изготовлению шерстяных изделий, ногайцы изготавливали из шерсти предметы быта, одежду, головные уборы. Войлочные ковры, изготавливаемые ногайцами, назывались «арбабаши», чеченские войлочные ковры — «истанг».

Поселения ногайцев до XIX в. носили кочевой характер. Они делились на весенне-летние и зимние в зависимости от времени года. Уже в XIX в. ногайские зимние поселения превращаются постепенно в оседлые аулы (юрт, шахар).

Аулы ногайцев постоянного типа долгое время имели очень жалкий вид: низкие дома, возведенные на саманном кирпиче, с камышовым покрытием, часто без всякой обмазки и побелки, с примитивными хозяйственными пристройками из камыша, плетня и кизяка, без двора и ограды. Даже рядом с постоянной постройкой, как саманный дом, постоянно присутствовала кибитка, символизирующая полукочевое состояние поселения. Условия кочевого, полукочевого, оседлого быта ногайцев непосредственно отразились на их жилище, его типе, формах планировки, внутреннем интерьере.

Общераспространенным типом жилища ногайцев периода их кочевого быта была кибитка или юрта («терме» и «отав»). Юрты были двух типов: большие сборно-разборные («терме») и малые (неразборные), переносные («отав») (Керейтов, 2009: 203–210]. Те и другие возводили на основе деревянного каркаса, который покрывали кошмой. Терме (типичная для кочевых народов кибитка круглой формы) относилось к юртам западно-тюркского подтипа; по устройству было аналогично юртам номадов, в том числе калмыков (Омакаева, etc., 2023).

Постоянные жилища («уьй») отличались простотой планировки и конструкции. Основными строительными материалами служили глина, саман и камыш. Первоначально возводилось небольшое одноэтажное одно–двухкамерное жилище со стенами из сырцового кирпича. Постройки имели земляной пол, потолок; пол обмазывали глиной. Побелку ни с внутренней, ни с внешней стороны в домах не производили. В глубине жилого помещения, чаще в дальнем его углу, размещался очаг («ожак») с дымоходом, возведенным турлучным способом.

Другой характерной чертой оседлого жилища являлось наличие в нем невысокой глинобитной (позднее и деревянной) лежанки — «орындыкь», «тахтамбет». Она обычно располагалась вдоль стены, занимая в ряде случаев почти половину комнаты.

Одежда ногайцев XX в. была приспособлена к условиям как кочевого, так и оседлого быта. Традиционную одежду ногайцев этого периода условно можно разделить на нательную, верхнюю, праздничную, будничную и траурную. Мужская нательная одежда ногайцев (рубаша и штаны) изготавливалась из грубой и плотной ткани. Бешметы, шубы, черкески, безрукавки и т.д. представляли разнообразную верхнюю мужскую одежду ногайцев.

Основными материалами для изготовления бешмета являлись местные шерстяные ткани, а также покупные шелковые и другие материалы.

Поверх бешмета или рубахи ногаец надевал шубу («тон»). В зависимости от материала шубы были трех видов и соответственно имели разные названия. Шубы из овчин назывались «тери тон», шубы из шкур молодых овец — «коьрпе тон» и шубы из недоношенных ягнят — «эльтир тон». Шубу, как и бешмет, шили цельнокроеной, чуть прилегающей к талии, она имела от линии талии по бокам вставные клинья, расширяющиеся книзу, и прямые широкие рукава обычной длины.

Разнообразны были и головные уборы ногайцев. Самым распространенным головным убором считалась меховая шапка («боьрк»).

Одежда ногайских женщин также была связана с кочевым образом жизни. Она была удобной и изготавливалась из различных материалов. Рубахи и платья ногайских женщин, как и у чеченцев, были длинными и шились местными мастерицами из простых тканей домашнего производства, а также привозных дорогих тканей.

Основным видом верхней распашной одежды являлся бешмет — «кьаптал», сходный по покрою с ногайским мужским бешметом, а в некоторых чертах и с северокавказским женским кафтаном. Другим видом верхней распашной одежды, была безрукавка — «кьыспа». Она не имела такого широкого бытования, как бешмет, обычно ее носили женщины преклонного возраста и дети. Покрой таких безрукавок мало отличался от мужских.

Традиционные головные уборы ногайских женщин удивительно разнообразны и самобытны. В отличие от мужских, они сохранили старые традиционные черты и возрастные различия, хотя и подвергались с течением времени определенной унификации. Условно их можно разбить на три группы: уборы типа шапок, типа мешочков и типа платков.

Меховая шапка («боьрк») спереди обшивалась «кундузом», т. е. мехом речной выдры, а верх шапки изготовливался из сукна красного цвета. Наряду с меховыми, бытовали и шапочки из тканей (бархата, сукна, вельвета) и галунов: тюбетейка — «такья» — чисто девичий головной убор; высокая шапочка «текебоьрк» — головной убор невесты или молодой девушки. «Текебоьрк» украшали богатой золотой или серебряной вышивкой с зооморфными мотивами, по нижнему краю шапочки нашивали украшения из серебра. «Шуткью» — головной убор ногаек Терско-Сулакской низменности в виде мешочка, в который сперва опускали косы, а затем, как чепец, надевали на голову и поверх «шуткью» вне дома обязательно надевали платок. Большие платки — «явлыкь», «тастар» — были наиболее распространенными видами верхних головных уборов ногайских женщин всех этнических подразделений и возрастов. В традиционной одежде сочетаются элементы костюма не только кочевых народов, но и также народов Северного Кавказа, в частности чеченцев. Отличаясь неповторимой самобытностью и красотой, традиционная одежда ногайцев Чечни, характеризует многовековое историческое развитие народа, его традиции и культурные связи с окружающим миром.

О многовековых традициях дружбы и добрососедства свидетельствует, к примеру, образование «ногГинекье» (ногайская ветвь) в этносоциальной структуре чеченцев. Среди многочисленных чеченских тайпов представлен тайп «ногГий» — чеченский тайп (выходцев из ногайцев) (Натаев, 2015: 168). Это яркий показатель того, что между ногайцами и чеченцами были давние родственные связи. Это и смешанные поселения, и брачные связи. В общественной жизни чеченцев и ногайцев большое место занимал обычай взаимопомощи, который заключался в оказании трудовой помощи друг другу во время сельскохозяйственных работ, при строительстве дома, во время проведения семейных мероприятий и т.д. (Гимбатова, 2010: 260). Данная традиция сохранилась и сегодня в местах компактного проживания представителей указанных народов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, в современной Чечне уделяется большое внимание малым народам, проживающим на территории Чеченской Республики, в том числе и ногайцам. Для сохранения самобытной культуры ногайского этноса здесь создан и функционирует с 2002 года в Шелковском районе Ногайский культурный центр. Ногайцы участвуют в различных общественных мероприятиях, устраивают выставки мастеров-народных умельцев, знакомят со своей богатой национальной кухней, традиционным народным костюмом, танцами, музыкой и т.д. В Грозном в 2016 г. в Мемориальном комплексе Аллея Славы им. А.А. Кадырова проходила выставка под названием «Ногай Эл» («Ногайский народ»), где была представлена богатая и самобытная история и культура ногайцев, проживающих в Чечне. В Шелковском районе, где компактно сегодня проживают ногайцы, они представлены во всех уровнях общественной жизни: в политике, социальной сфере, экономике, образовании и т.д. Несмотря на интенсивные интеграционные процессы, межэтнические взаимовлияния, ногайцы в Чечне сохранили свою этническую идентичность и культурную самобытность.

БЛАГОДАРНОСТИ

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда №22-18-00313 «Трансформация кочевых обществ Юга России в контексте природно-климатических факторов (XIX — середина XX вв.)», <https://rscf.ru/project/22-18-00313/>.

ACKNOWLEDGMENTS

The work was supported by the Russian Science Foundation, Project №22-18-00313 «Transformation of nomadic societies of the South of Russia in the context of natural and factors (XIX — mid XX centuries)», <https://rscf.ru/project/22-18-00313/>.

Литература

Абдулвахабова, Б. Б.-А. (2016). Чеченцы и ногайцы: этнокультурные взаимодействия (история и современность). *Ногайцы: XXI век. История. Язык. Культура. От истоков — к грядущему*. Черкесск, 160–162.

Бадмаева, Е. Н. (2024). Хлопководство в Калмыкии и южных районах России в предвоенные годы. *Nomadic Civilization: Historical research*. 4. 1. 26–36.

Бадмаева, Е. Н., Эрднеева Б. А. (2022). Природно-климатические условия территории и земледелие в Калмыкии (1917–1925 гг.). *Genesis: исторические исследования* 9. 111–122.

Бадмаева, Е. Н., Батыров, В. В. (2023). Трансформация жилища калмыков в условиях перехода на оседлость в имперский и советский периоды. *Научный диалог*. 12. 5. 409–426.

Батыров, В. В. (2022). Упадок калмыцкого верблюдоводства в контексте административных и природно-климатических факторов в XIX в. *Известия Чеченского государственного университета им. А.А. Кадырова*. 4 (28). 109–113.

Батыров, В. В. (2023a). Адаптационные стратегии калмыков во второй половине процессы перехода к полуседлому хозяйству. *Nomadic Civilization: Historical research*. 3. 4. 57–70.

Батыров, В. В. (2023 б). Кризис системы сезонных перекочёвок в XIX в. как основной фактор перехода к полуседлому и оседлому хозяйству. *Каспийский регион: политика, экономика, культура*. 2 (75). 32–40.

Гимбагова, М. Б. (2010). Обычай взаимопомощи и общественной жизни ногайцев (XIX–XX века). *Актуальные проблемы истории Кавказа. Материалы Международной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения профессора Р. М. Магомедова*. Махачкала: Дагестанский государственный университет. 260–262.

Джумагулова, А.Т. (2022). Особенности состояния экономики ногайских обществ Северного Кавказа в XIX–начале XX веков. *Научный диалог*. 11. 7. 377–397.

Джумагулова, А.Т. (2023a). Советский проект в ногайской степи в 1930–1940-е гг.: от коллективизации к мелиорации. *Электронный журнал «Кавказология»*. 3. 133–152.

Джумагулова, А.Т. (2023b). Рецепция советского проекта в ногайских степях Северного Кавказа в 1920–1930-е гг. *Каспийский регион: политика, экономика, культура*. 2 (75). 91–101.

Керейтов, Р. Х. (2009). *Ногайцы. Особенности этнической истории и бытовой культуры* / научн. ред. Ю. Ю. Клычников. Ставрополь: Сервисшкола.

Кидирниязов, Д. С. (2022). Земельно-правовые отношения и седентаризация ногайцев во второй половине XIX– начале XX вв. *Научный диалог*. 11. 7. 398–416.

Кидирниязов, Д. С. (2023a). Сочинение И.Т. Мутенина как источник по экономическому развитию ногайцев Северо-Восточного Кавказа в XIX– начале XX вв. *Вестник Академии наук Чеченской Республики*. 2 (61). 30–38.

Кидирниязов, Д. С. (2023b). Город в системе хозяйственных интересов кочевых сообществ степной полосы Евразии в XVI–XIX вв. *Каспийский регион: политика, экономика, культура*. 2 (75). 21–25.

Лиджиева, И. В. (2016). Проблема водоснабжения в калмыцкой степи в начале XX в. (по материалам аймачных и хотонных приговоров). *Magna adsurgit: Historia Studiorum*. 1. 61–70.

Лиджиева, И. В. (2022). Пути хозяйственного развития Калмыцкой степи в оценках столичных чиновников (последняя треть XIX– начале XX вв.). *Новый исторический вестник*. 4 (74). 48–62.

Лиджиева, И. В. (2023). Система природопользования в решениях общественных сходов кочевых инородцев. *История государства и права*. 8. 68–74.

Магомаев, В. Х., Кидирниязов, Д. С. (2017). *Ногайцы в северокавказском историческом процессе в XVI–начале XX в.* Грозный: Издательство Академии наук Чеченской республики.

Народы Дагестана (2002). Отв. ред. С. А. Арутюнов и др. Москва: Наука (Серия «Народы и культура»).

Натаев, С. А. (2013). *Чеченские тайпы: Проблемы изучения природы, структуры и исторической динамики социальных институтов чеченцев*. Махачкала: АЛЕФ.

Omakaeva, E. U. (2005). Folk knowledge in the life-support system of the Kalmyk ethnos. *Combating Desertification: Traditional Knowledge and Modern Technology for the Sustainable Management of Dryland Ecosystems*. Proceedings of the International Workshop (Elista, Republic of Kalmykia, Russian Federation, 23-27 June 2004). Paris: UNESCO, Division of Ecological and Earth Sciences. 117–123.

Omakaeva, E. U. (2008). The calendar knowledge of nomadic peoples as it reflects in the Kalmyk lexicon and worldview. *Nomadic society and cross-cultural dialogue* (Улан-Батор, 12–14 сентября 2008 года). Улан-Батор: “Sansuday” Design&Printing Co., Ltd. 40.

Omakaeva, E. U. (2023). Yurt as a value of Kalmyk linguistic culture / T. S. Esenova, G. B. Esenova, E. U. Omakaeva. *SHS Web of Conferences*. 164. 00057.

Omakaeva, E. U., Badmaeva E. N. (2024). The Role of Weather and the Natural-Climate Factor in the Daily Nomadic Life of the Kalmyks in the Context of Traditional Nature Utilization: Effective Frontier Practices. *Journal of Frontier Studies*. 9. 1(33). 82–100.

References

Abdulvahabova, B. B.-A. (2016). Chechency i nogajcy: etnokul'turnye vzaimodejstviya (istoriya i sovremennost'). *Nogajcy: XXI vek. Istoriya. Yazyk. Kul'tura. Ot istokov — k gryadushchemu*. Cherkessk, 160–162 (in Russian).

Badmaeva, E. N. (2024). Hlopkovodstvo v Kalmykii i yuzhnyh rajonah Rossii v predvoennye gody. *Nomadic Civilization: Historical research*. 4. 1. 26–36 (in Russian).

Badmaeva, E. N., Erdneeva B. A. (2022). Prirodno-klimaticheskie usloviya territorii i zemledelie v Kalmykii (1917–1925 gg.). *Genesis: istoricheskie issledovaniya*. 9. 111–122 (in Russian).

Badmaeva, E. N., Batyrov, V. V. (2023). Transformaciya zhilishcha kalmykov v usloviyah perekhoda na osedlost' v imperskij i sovetiskij periody. *Nauchnyj dialog*. 12. 5. 409–426 (in Russian).

Batyrov, V. V. (2022). Upadok kalmyckogo verblyudovodstva v kontekste administrativnyh i prirodno-klimaticheskikh faktorov v XIX v. *Izvestiya Chechenskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.A. Kadyrova*. 4 (28). 109–113 (in Russian).

Batyrov, V. V. (2023a). Adaptacionnye strategii kalmykov vo vtoroj polovine processy perekhoda k poluosedlomu hozyajstvu. *Nomadic Civilization: Historical research*. 3. 4. 57–70 (in Russian).

Batyrov, V. V. (2023 b). Krizis sistemy sezonnyh perekochyovok v XIX v. kak osnovnoj faktor perekhoda k poluosedlomu i osedlomu hozyajstvu. *Kaspijskij region: politika, ekonomika, kul'tura*. 2 (75). 32–40 (in Russian).

Dzhumagulova, A.T. (2022). Osobennosti sostoyaniya ekonomiki nogajskih obshchestv Severnogo Kavkaza v XIX–nachale XX vekov. *Nauchnyj dialog*. 11. 7. 377–397 (in Russian).

Dzhumagulova, A.T. (2023a). Sovetskij proekt v nogajskoj stepi v 1930–1940-e gg.: ot kollektivizacii k melioracii. *Elektronnyj zhurnal «Kavkazologiya»*. 3. 133–152 (in Russian).

Dzhumagulova, A.T. (2023b). Recepciya sovetskogo proekta v nogajskih stepyah Severnogo Kavkaza v 1920–1930-e gg. *Kaspijskij region: politika, ekonomika, kul'tura*. 2 (75). 91–101 (in Russian).

Gimbatova, M. B. (2010). Obychaj vzaimopomoshchi i obshchestvennoj zhizni nogajcev (XIX–XX veka). *Aktual'nye problemy istorii Kavkaza*. Materialy Mezhdunarodnoj konferencii, posvyashchennoj 100-letiyu so dnya rozhdeniya professora R. M. Magomedova. Mahachkala: Dagestanskij gosudarstvennyj universitet. 260–262 (in Russian).

Kerejtov, R. H. (2009). *Nogajcy. Osobennosti etnicheskoj istorii i bytovoj kul'tury* / nauchn. red. Yu. Yu. Klychnikov. Stavropol': Servisshkola (in Russian).

Kidirmiyazov, D. S. (2022). Zemel'no-pravovye otnosheniya i sedentarizaciya nogajcev vo vtoroj polovine XIX–nachale XX vv. *Nauchnyj dialog*. 11. 7. 398–416.

Kidirmiyazov, D. S. (2023a). Sochinenie I.T. Mutenina kak istochnik po ekonomicheskomu razvitiyu nogajcev Severo-Vostochnogo Kavkaza v XIX–nachale XX vv. *Vestnik Akademii nauk Chechenskoj Respubliki*. 2 (61). 30–38 (in Russian).

Kidirmiyazov, D. S. (2023b). Gorod v sisteme hozyajstvennyh interesov kochevyh soobshchestv stepnoj polosy Evrazii v XVI–XIX vv. *Kaspijskij region: politika, ekonomika, kul'tura*. 2 (75). 21–25 (in Russian).

Lidzhieva, I. V. (2016). Problema vodosnabzheniya v kalmyckoj stepi v nachale XX v. (po materialam ajmachnyh i hotonnyh prigovorov). *Magna adurgit: Historia Studiorum*. 1. 61–70.

Lidzhieva, I. V. (2022). Puti hozyajstvennogo razvitiya Kalmyckoj stepi v ocenках stolichnyh chinovnikov (poslednyaya tret' XIX–nachale XX vv.). *Novyj istoricheskij vestnik*. 4 (74). 48–62 (in Russian).

Lidzhieva, I. V. (2023). Sistema prirodopol'zovaniya v resheniyah obshchestvennyh skhodov kochevyh inorodcev. *Istoriya gosudarstva i prava*. 8. 68–74 (in Russian).

Magomaev, V. H., Kidirmiyazov, D. S. (2017). *Nogajcy v severokavkazskom istoricheskom processe v XVI–nachale XX v.* Groznyj: Izdatel'stvo Akademii nauk Chechenskoj respubliki (in Russian).

Narody Dagestana (2002). Seriya «Narody i kul'tury». Otv. red. S. A. Arutyunov i dr. Moskva: Nauka (in Russian).

Nataev, S. A. (2013). *Chechenskie tajpy: Problemy izucheniya prirody, struktury i istoricheskoj dinamiki social'nyh institutov chechencev*. Mahachkala: ALEF (in Russian).

Omakaeva, E. U. (2005). Folk knowledge in the life-support system of the Kalmyk ethnos. *Combating Desertification: Traditional Knowledge and Modern Technology for the Sustainable Management of Dryland Ecosystems*. Proceedings of the International Workshop (Elista, Republic of Kalmykia, Russian Federation, 23–27 June 2004). Paris: UNESCO, Division of Ecological and Earth Sciences. 117–123 (in English).

Omakaeva, E. U. (2008). The calendar knowledge of nomadic peoples as it reflects in the Kalmyk lexicon and worldview. *Nomadic society and cross-cultural dialogue* (Ulan-Bator, 12–14 sentyabrya 2008 goda). Ulan-Bator: “Sansuday” Design&Printing Co., Ltd. 40 (in English).

Omakaeva, E. U. (2023). Yurt as a value of Kalmyk linguistic culture / T. S. Esenova, G. B. Esenova, E. U. Omakaeva. *SHS Web of Conferences*. 164. 00057 (in English).

Omakaeva, E. U., Badmaeva E. N. (2024). The Role of Weather and the Natural-Climate Factor in the Daily Nomadic Life of the Kalmyks in the Context of Traditional Nature Utilization: Effective Frontier Practices. *Journal of Frontier Studies*. 9. 1(33). 82–100 (in English).